

<https://doi.org/10.5281/zenodo.6873464>

УДК 82-191:7.011

Башмакова Е. А., Никулушкин К. В.

Башмакова Елизавета Альбертовна, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48. E-mail: nik18.74@mail.ru.

Никулушкин Константин Владимирович, старший научный сотрудник, Институт Философии и Мировой Культуры, Россия, 190068, г. Санкт-Петербург, Пер. Никольский, д. 4, пом. 4Н, Литера А. E-mail: const.nikulushckin@yandex.ru

Басня Эзопа в литературно-эстетической композиции Жана де Лафонтена

Аннотация. В статье проводится сопоставительное лингвокультурологическое исследование басни, как жанра дидактической литературы. Рассматриваются два различных исторических и лингвистических пространства, объединенные одной басней в качестве сюжетно-смыслового поля. Объектом исследования является взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе их функционирования; предметом – культурное значение текста, регистрирующего особенности проявления национального языкового сознания в картине мира народа. Эмпирическим материалом исследования полагаются: античная басня Эзопа «Человек и сатир» (*Ἀνθρώπος καὶ σάτυρος*) и басня «Сатир и прохожий» (*Le Satyre et le Passant*), написанная Жаном де Лафонтеном (*Jean de La Fontaine*) на основании литературного сюжета вышеуказанной басни Эзопа. Целью статьи является установление культурно-смыслового различия двух басен методом герменевтической компаративистики. Решение поставленной цели достигается рассмотрением пяти лингвокультурных диспозиций, формирующих вектор исследования.

Ключевые слова: античный текст, басня, культура, пространство литературы, семантика, смысловая композиция, эстетика.

Bashmakova E. A., Nikulushkin K. V.

Bashmakova Elizaveta Al'bertovna, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia, 191186, Saint Petersburg, the Moyka River Embankment, 22. E-mail: nik18.74@mail.ru.

Nikulushkin Konstantin Vladimirovich, Senior Research Associate, The Institute of Philosophy and World Culture, Russia, 190068, Saint Petersburg, per. Nikolsky, 4, pom. 4H, litera A. E-mail: const.nikulushckin@yandex.ru

Aesop's fable in Jean de La Fontaine's aesthetic and cultural view

Abstract. This paper conducts a comparative cultural linguistics study of the fable as a genre of didactic literature. Two different historical and linguistic cultures be considered on the basis of one fable that forms a meaning space. The object of the study is the relationship and interaction of culture and language in the process of their functioning; subject – the cultural significance of the text registering the manifestation of the features of national language consciousness in the picture of the world of the people. Empirical research material is – Aesop's ancient fable «Man and Satire» (*Ἀνθρώπος καὶ σάτυρος*) and Jean de La Fontaine's fable "Satire and Passerby," based on Aesop's fable. The purpose of the article is to establish the cultural and se-

mantic difference between the two fables by the hermeneutic comparison method. The solution to this goal is achieved by considering five linguistic and cultural dispositions that form the research vector.

Key words: antique text, fable, culture, literature space, semantics, sense composition, aesthetics.

Басня, согласно М.Л. Гаспарову, является древнейшей формой мышления, определившего свое культурное положение в период античности текстом художественной речи [4, с. 241]. Басня в сфере эстетического восприятия раскрывается квинтэссенцией философского смысла, переводящего действие художественных образов в моральный сюжет объективности социального существования.

М.Л. Гаспаров приводит четыре этапа становления басни:

«1. Предыстория, когда басня еще не выделилась из примера;

2. Устная басня, уже определившаяся как художественная форма, но не существующая вне связной речи;

3. Переходный период – басня уже закрепляется письменно, но не обрабатывается литературно;

4. Литературная басня <...> существует в “свободном” состоянии, издается в авторских сборниках басен» [3, с. 10-11].

Исторический путь развития басни, указанный М.Л. Гаспаровым, демонстрирует, что первые три этапа не имеют точной фиксации – эстетических границ в сфере словесных (временных) форм искусства; только литературная басня является культурным фактом, обладающим собственным жанром в пространстве художественного текста.

Соответственно, именно четвертый этап становления басни является существенным для лингвокультурного исследования, сочетающего социально-историческое пространство конкретной эпохи с философским взглядом автора-мыслителя. Авторский замысел в составлении сюжетной композиции басни является основанием в формировании исследовательских диспозиций данной статьи.

Диспозиция 1. – Название басни

Названия басен Эзопа и Лафонтена имеют различия, несмотря на относительное единство фабулы произведения. Име-

ется общее предположение, что подобный факт в отношении жанра басни имеет несущественное значение для исследования, поскольку нет точной достоверности о придании автором «литературного имени» древнему тексту произведения. В большинстве случаев название басни определяются действующими участниками сюжетной композиции, раскрывающими мораль в сфере социальной коммуникации.

Соответственно, преемственность античного содержания текста и отличие названия французской басни может происходить как из многообразия литературных источников, транслирующих латинские и греческие версии басен Эзопа, так и на основании личного авторского взгляда Лафонтена на культурную характеристику собственной эпохи. Например, в индексе «Басен Эзопа» (1962 г.) Перри под номером 35 имеется версия названия рассматриваемой басни «The Man and the Satyr» (Человек и Сатир) [16], но в выпуске на трех языках сборника басен Фрэнсиса Барлоу от 1687 года предлагается три различных названия вышеуказанного произведения: на французском языке «Du Satyre & du Voyager» (Сатир и путешественник), на английском языке «The Satyre and Clown» (Сатир и шут), на латинском языке «De Satyro et Viatore» (Сатир и путник) [13, с. 148-149].

В данном исследовании принимается гипотетическая версия, что Лафонтен вложил в название своей басни дополнительное значение, утверждающее авторский взгляд на произведение.

Басня Эзопа раскрывается именной формулой «Человек и сатир» (ἄνθρωπος καὶ σάτυρος), в которой основным персонажем действия определен человек. В греческой культуре античного периода человеком является тот, кто осуществляет собственными действиями созидание творческой сферы греческой ойкумены.

Картина мира периода классической античности (V – IV века до н.э.) в раскрытии и понимании обусловлена взаимосвязью логоса-слова и рока судьбы, образующих и регулирующих жизнь эллина [8]. Главной сущностью человеческой души для древнего грека является самопознание, приводящее к согласованности собственного разума с личным поступком в сфере социального бытия. Данный факт подтверждается античным выражением, начертанным на стене храма Аполлона в Дельфах, «Γνῶθι σεαυτόν», что означает – познай самого себя. Платон в диалоге «Кратил», рассуждая устами Сократа о происхождении слова «человек», раскрывает характерное античное представление об отличии человека от других видов биологической жизни: «Имя “человек” означает, что, тогда как остальные животные не наблюдают того, что видят, не производят сравнений, ничего не сопоставляют (ἀναθρεῖν), человек, как только увидит что-то, а можно также сказать “уловит очами”, тотчас начинает приглядываться и размышлять над тем, что уловил. Поэтому-то он один из всех животных правильно называется “человеком”, ведь он как бы “очеловец” того, что видит» [6, с. 632]. Ракурс лингвистических исследований Новейшего времени на этимологию греческого слова «ἄνθρωπος» [10, с. 90; 14, с. 110] различается от философского умозрения Платона, тем не менее, текст античной культуры с очевидностью полагает, что основной качественной сущностью человеческого лика в сфере культурного общества являются – познание и разумность.

Басня Лафонтена раскрывается названием «Сатир и прохожий» (*Le Satyre et le Passant*), где главным действующим лицом становится прохожий. «Прохожий» только отражает в своем слове статус человека, он обладает исключительно движением сквозь некое пространство без собственного культурного места в нем. Прохожий – это не тот человек, который определен созидательным действием в жизни общества; прохожий – это внешний наблюдатель, целью которого является

маршрут движения из точки А в точку Б с практическим применением на своем пути всех возможных средств в своих собственных интересах.

Семантика французской лексемы «passant» развивается терминологическими положениями как в геральдике, где данное слово обретает выражение в образе идущего животного (по большей вероятности – льва или леопарда) с поднятой вперед лапой [12, с.181], так и в шахматах «en passant» (на проходе) – термин, возникший в XV веке, который означает взятие двигающейся вперед на два поля пешки. Представленные термины были достаточно известны образованному человеку в эпоху Лафонтена, в шахматах смелое движение пешки под боем есть выражение тайной мысли, сокрытой от глаз игрока; геральдический лев с поднятой лапой символизирует мужество, великодушие, он на страже рыцарских принципов его носителя. Тайна жизни, интрига, подчеркнутое комическое соответствие безликого образа, сокрытого в названии басни, с выражением его действий в структуре сюжета – могут иметь обоснованное утверждение в лингвокультурной интерпретации, если определить смысл авторской позиции Лафонтена в области названия произведения.

Соответственно, в названии басни Лафонтена замена «эзоповского человека» на «прохожего» предполагает существенное различие культурного смысла, удостоверяющего нетождественность двух систем миропонимания – античного и эпохи Лафонтена.

Необходимо указать, что изменение расположения слов человек и сатир в баснях Эзопа и Лафонтена также может символически указывать на глубину изначальной позиции культурного смысла: в названии басни Эзопа «Человек и сатир» – человек определен в качестве первой грамматической позицией по отношению к сатиру, а в произведении Лафонтена «Сатир и прохожий» – грамматическим приоритетом является сатир по отношению к прохожему.

Данное предположение в форме гипотезы может развиваться только в том случае, если басня Эзопа действительно имела собственное название, установленное автором. Выводы по данному исследовательскому регистру требуют отдельного рассмотрения.

Диспозиция 2. – Построчное сравнение.

Построчный анализ культурного выражения басни Эзопа в соотношении с басней Лафонтена приводит к следующим выводам:

1. Басня Эзопа начинается с установления социальной формы, заключенной в понятии – дружба: «Ἄνθρωπὸν ποτε λέγεται πρὸς σάτυρον φιλίαν στείσασθαι» [11, с. 29-30] – говорят, что некогда у человека с сатиром дружба была [договор] (перевод наш – Н. К.); а басня Лафонтена раскрывается описанием логова сатира:

«Au fond d'un antre sauvage,
Un Satyre et ses enfants
Allaient manger leur potage
Et prendre l'écuelle aux dents.
On les eût vus sur la mousse
Lui, sa femme, et maint petit:
Ils n'avaient tapis ni housse,
Mais tous fort bon appétit» [15]

– В глубине дикого логова

Сатир и его дети

Собирались есть их суп

И взяли миски клыками

Мы видели их [сидящих] на мху,

Он, его Жена и дети

У них не было ковра или покрывала,

но у всех очень хороший аппетит (Н.

К.).

Соответственно, в греческой басне истоком культурного значения текста становится дружба, а во французской – жилище и вульгарный быт. Платон в диалоге «Лисид» определяет дружбу в качестве душевной любви, сочетаемой в единстве проявления благородством и бескорыстием человека [7]. Аристотель, исследуя сферу этического существования человека, указывает на особенность проявления дружбы в пространстве демократии, при

которой граждане, «... будучи равными, имеют много общих интересов» [1, с. 160].

Античная свобода есть условие благородных, бескорыстных и равных отношений, укореняющих смысл больше философского, чем законодательного понимания личной ответственности за свои действия перед обществом. Понятие дружбы, обусловленное интеллектуальной степенью личной свободы, является одним из истоков смысла культурного бытия человека в эпоху Древней Греции.

Представление о понятии дружба во французской культуре эпохи Просвещения определено принципом «разумного эгоизма», в котором заглавным тезисом выражены индивидуальные интересы, содействующие взаимному счастью [5, с. 186]. Позиция индивидуальности не может раскрываться в культуре иначе, нежели чем под крышей личной собственности. Подобные представления о частном и общем в пространстве социальных отношений имеют во времени длительный текст философского мышления, обретающего свою завершённую форму литературного выражения во Франции ко второй половине XVIII века.

2. В античной басне акт дыхания человека, который согревает руки и охлаждает пищу (еду), обусловлен отдельными предложениями, устанавливающими культурное значение в действии (сначала человек согревает руки дыханием, когда приходит холодное время, далее он остужает дыханием еду, когда ее подают): «Καὶ δὴ χειμῶνος καταλαβόντος καὶ ψύχους γενομένου, ὁ ἄνθρωπος προσφέρων τὰς χεῖρας τῷ στόματι ἐπέπνει. Τοῦ δὲ σατύρου τὴν αἰτίαν ἐρομένου δι' ἣν τοῦτο πράττει, ἔλεγεν ὅτι θερμαίνει τὰς χεῖρας διὰ τὸ κρύος. Ὑστερον δὲ παρατεθείσης αὐτοῖς τραπέζης καὶ προσφαγήματος θερμοῦ σφόδρα ὄντος, ὁ ἄνθρωπος ἀναιρούμενος κατὰ μικρὸν τῷ στόματι προσέφερε καὶ ἐψύσα. Πυθνομένου δὲ πάλιν τοῦ σατύρου τί τοῦτο ποιεῖ, ἔφασκε καταψύχειν τὸ ἔδεσμα, ἐπεὶ λίαν θερμὸν ἐστὶ» [11, с. 29-30] (курсив наш – Н. К.).

Во французской басне согревающее и охлаждающее дыхание прохожего опреде-

лено предложенным угощением в логове сатира (сначала прохожий согревает руки перед едой, далее осуществляет дыханием охлаждение пищи):

«De le semondre deux fois.
D'abord avec son *haleine*
Il se *réchauffe* les doigts ;
Puis sur le mets qu'on lui donne,
Délicat, il *souffle* aussi» [15] (Н. К.).

Соответственно, в греческой басне проявляется синтаксическое указание на раздельность пространственно-временных периодов, ведущих к согреванию и охлаждению сущего. Раздельность пространств, в которых приписывается одному объекту совершенно противоположные по характеру суждения, демонстрирует логическую иррациональность в отношении закона исключенного третьего: «два противоречащих суждения об одном и том же предмете не могут быть одновременно истинными или ложными». Заключение, в котором формулируется третье пространство – вывода, приводит к искажению в понимании истины и разрушает античный принцип философии дружбы в социальном миропорядке.

Во французской басне главным мотивом становится проявление единства театрального действия в процессе согревания и остужения согласно художественным принципам классицизма (единство действия, единство места, единство времени) [2].

Диспозиция 3. – Первое лицо в басне.

Употребление первого лица в греческой и французской баснях имеют различные условия художественно-литературной экспликации.

В басне Эзопа употребление первого лица единственного числа совершается однократно в прямой речи Сатира – «Ἄλλ' ἀποτάσσομαι σου τῆ φίλια» [11, с.29-30] (но я отделию от тебя дружбу). Подобный лингвистический факт в тексте произведения указывает на культурно-смысловой акцент, определяющий результат описываемых в басне событий. Идеал дружбы для сознания античного человека

не может иметь внешних изъянов собственной этической формы в виде двойственной природы. Каждый поступок в содержательном пространстве категории дружбы измеряется единством образа и действия, создавая условие слияния эстетической и этической выразительности в слове – калокагатия (др. гр. *καλοκαγαθία* – прекрасно-добрый).

Соответственно, в греческой басне, определяющей смысл культурных отношений через идеалы античного общества, сатир должен личным действием, определенным в глагольной форме настоящего времени 1-го лица медиального залога, отвергнуть дружбу человека.

В басне Лафонтена употребление первого лица раскрывается как во множественном числе, так и в единственном числе.

1. Применение неопределенно-личного местоимения, рассматриваемого в данной басне в качестве местоимения множественного числа первого лица, совершается в предложении: «On les eût vus sur la mousse» [15] – (мы видели их на мху). Данное выражение создает для реципиента условие театрального действия. Устанавливается взгляд со стороны, который предполагает формирование подчеркнутой искусственности данного акта в басне, определенной не внутренней сюжетной реальностью персонажей, а артистизмом их игры. Подобный авторский ход разделяет смысловую композицию данной басни на культурные полусферы:

Первая полусфера: – это игра актеров в качестве участников басни и, вторая: присутствие зрителей, созерцающих раскрытие морального сюжета на интеллектуальной сцене культурного сознания.

2. Первое лицо единственного числа имеет употребление в одном предложении, указывающем на моральный вывод сатира в отношении прохожего: «Ne plaise aux Dieux que je couche Avec vous sous même toit!» [15] – (Не дай бог, чтобы я спал с вами под одной крышей!). В данном случае, личное местоимение градуирует шкалу социально-культурных отношений, в кото-

рых не дружба играет существенную роль, например, как в басне у Эзопа, а крыша собственного дома, под которой развивается действие личной морали эпохи Лафонтена.

Диспозиция 4. – Мораль.

В басне Эзопа мораль раскрывается отдельным абзацем, изолированным от дидактического содержания единого текста, в отличие от басни Лафонтена, полагающего мораль имманентно литературному сюжету.

Эзоп раскрывает мораль словами, что существует необходимость избегать дружбы с двуличными – «ἡμᾶς περιφεύγειν δεῖ τὴν φιλίαν ὧν ἀμφίβολός ἐστιν ἢ διάθεσις» [11, с. 29-30] (нам необходимо избегать дружбы [с теми], которые с двух сторон расположение имеют [двуличные есть]);

Лафонтен формулирует мораль императивным утверждением сатира об изгнании двуличных – «Arrière ceux dont la bouche Souffle le chaud et le froid!» [15] – (назад [прочь] тем, у которых рот [уста] дует теплом и холодом!).

Соответственно, в басне Эзопа условие избегать дружбы с двуличным определено человеческим разумом на основании понимания социальной культуры античности, а общественная позиция эпохи Лафонтена отрицает не состояние дружбы в двуличном поступке человека, а положение амбивалентности в сфере языка (la bouche – уста, рот), утверждающего речью одновременно тепло и холод, ложь и истину.

Диспозиция 5. – Особенности употребления глаголов с семантикой дыхания в текстах греческой и французской басен.

В басне Эзопа употребление синонимичного ряда глаголов совершается для указания на разные действия: а) для согревания «ἐπιπνέω» – дуть, вдыхать, и для охлаждения «φυσάω» – дышать. Для Эзопа является существенным подчеркнуть различие в употреблении глаголов, обозначающих согревающее дыхание (ἐπιπνέω) и дыхание охлаждающее (φυσάω). Применение различных лексем, возможно, отражает нетождественность их глагольного дей-

ствия в развитии культурного смысла. Например, в трактате псевдо-Аристотеля «Περὶ πνεύματος» [9, с. 481] («О дыхании») для указания на физиологический процесс «направления» дыхания снизу вверх (прист. ἀνα-) употребляется приставочный глагол «ἀναπνέω» (выдыхать); в отличие от басни Эзопа, в которой глагол «ἐπιπνέω» (дуть на что-либо, вдохновлять), определен приставкой ἐπι- (на, в) и связан непосредственно с дуновением.

В басне Лафонтена употребление глагола, обозначающего действие дыхания (как для согревания, так и для охлаждения), выражено одной лексемой «souffler» – дуть.

Лафонтен в отличие от Эзопа не полагает необходимости в употреблении синонимичного ряда глаголов, устанавливающих в области литературного языка действие дыхания. Французский автор включает в текст басни глаголы с различной семантикой (ср. souffler – дуть, дышать, но refroidir – охлаждать, réchauffer – нагревать).

Соответственно, для греческой культуры глагол «дышать» (как и само понятие «дыхание») мог выражать разные действия по отношению к сущности, наделенной в контексте литературного изложения культурными оттенками философского миропонимания.

Французская культура XVII века эпохи Лафонтена обусловлена формированием текста, в котором причинно-следственные связи для действия тепла, холода и дыхания, требуют употребление различных глаголов.

Заключение.

Таким образом, две басни, созданные на основании одного культурно-социального архетипа, раскрывают различные исторические взгляды на действие морали в обществе. Эпоха Эзопа утверждает принципы философского взгляда на свободу человека, в основании бытия которого определена способность к мышлению. Эпоха Лафонтена устанавливает ракурс на культурную сферу эпохи Просвещения и область социальной стратифика-

ции, из которых должна изгоняться вульгарная аморальность речевого выражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Этика. / Пер. с гр. Э. Радлов. СПб.: Общественная польза, 1908. 207 с.
2. Буало Н. Поэтическое искусство / вст. ст. Н.А. Сигал, пер. Э. Л. Линецкой. М.: ГИХЛ, 1957. 232 с.
3. Гаспаров М.Л. Античная литературная басня (Федр и Бабрий). М.: Наука, 1971. 279 с.
4. Гаспаров М.Л. Басни Эзопа. М.: Наука, 1968. 320 с.
5. Гольбах П.А. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного // П. А. Гольбах. Избр. произв. в 2-х т. Т. 1. / общ. ред. Х.Н. Момджяна. пер. с фр. П.С. Юшкевича. М.: Социально-экономическая литература, 1963. 715 с.
6. Платон. Кратил // Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. / общ. ред. А.Ф. Лосева, пер. Т.В. Васильевой. М.: Мысль, 1990. С. 613-681.
7. Платон. Лисид. // Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. / общ. ред. А.Ф. Лосева, пер. С.Я. Шейман-Топштейн. М.: Мысль, 1990. С. 314-340.
8. Философский текст интерпретации трагедии Софокла «Царь Эдип» / Я.А. Антонов, Е.А. Башмакова, С.А. Зеленин, К.В. Никулушкин, Е.А. Потемкина // Наука России: Цели и задачи. сбор. науч. трудов по мат. XXVIII межд. науч. конф., Екатеринбург, 2021. С. 49-59.
9. Aristoteles. Περὶ Πνεύματος // Aristoteles. in Quinti Vol. Vol. Prius / ex recens. Immanuelis Bekkeri. Berolini: Academia Regia Borussica, 1831. Pp. 481-486.
10. Chantraine P. Dictionnaire Etymologique De La Langue Grecque Histoire des Mots. Tome I A-D. Paris: Editions Klincksieck, 1968. 1368 p.
11. Emile Chambry. Esop Fables. Paris: Les Belles Lettres, 1927. 163 p.
12. Fox-Davies, Arthur Charles. A Complete Guide to Heraldry. New York: Dodge Publishing, 1909. P. 181.
13. Francis Barlow. Aesop's Fables with His Life: In English, French and Latin: Newley Translated. London, 1687. 221 p.
14. Hjalmar Frisk. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Band I: A-Ko. Heidelberg: Carl Winter. Universitätsverlag, 1960. 1154 p.
15. Jean de La Fontaine. Le Satyre et le Passant / Les Fables de la Fontaine. URL: <http://www.lesfables.fr/livre-5/le-satyre-et-le-passant> (дата обращения: 12.06.2022)
16. Perry B. E. Babrius and Phaedrus: newly ed. and transl. into English, together with an historical introduction and a comprehensive survey of Greek and Latin fables in the Aesopic tradition. London: W. Heinemann; Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1965. 634 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Aristotel'. Jetika. / Per. s gr. Je. Radlov. SPb.: Obshhestvennaja pol'za, 1908. 207 s.
2. Bualo N. Pojeticheskoe iskusstvo / vst. st. N.A. Sigal, per. Je. L. Lineckoj. M.: GIHL, 1957. 232 s.
3. Gasparov M.L. Antichnaja literaturnaja basnja (Fedr i Babrij). M.: Nauka, 1971. 279 s.
4. Gasparov M.L. Basni Jezopa. M.: Nauka, 1968. 320 s.
5. Gol'bah P.A. Sistema prirody, ili o zakonah mira fizicheskogo i mira duhovnogo // P. A. Gol'bah. Izbr. proizv. v 2-h t. T. 1. / obshh. red. H.N. Momdzhjana. per. s fr. P.S. Jushkevicha. M.: Social'no-jekonomicheskaja literatura, 1963. 715 s.
6. Platon. Kratil // Platon. Sobr. soch. v 4-h t. T. 1. / obshh. red. A.F. Loseva, per. T.V. Vasil'evoj. M.: Mysl', 1990. S. 613-681.
7. Platon. Lisid. // Platon. Sobr. soch. v 4-h t. T. 1. / obshh. red. A.F. Loseva, per. S.Ja. Shejman-Topshtejn. M.: Mysl', 1990. S. 314-340.
8. Filosofskij tekst interpretacii tragedii Sofokla «Car' Jedip» / Ja.A. Antonov, E.A. Bashmakova, S.A. Zelenin, K.V. Nikulushkin, E.A. Potemkina // Nauka Rossii: Celi i zadachi. sbor. nauch. trudov po mat. XXVIII mezhd. nauch. konf., Ekaterinburg, 2021. S. 49-59.
9. Aristoteles. Περὶ Πνεύματος // Aristoteles. in Quinti Vol. Vol. Prius / ex recens. Immanuelis Bekkeri. Berolini: Academia Regia Borussica, 1831. Pp. 481-486.

10. Chantraine P. Dictionnaire Etymologique De La Langue Grecque Histoire des Mots. Tome I A-D. Paris: Editions Klincksieck, 1968. 1368 p.
11. Emile Chambry. Esopé Fables. Paris: Les Belles Lettres, 1927. 163 p.
12. Fox-Davies, Arthur Charles. A Complete Guide to Heraldry. New York: Dodge Publishing, 1909. P. 181.
13. Francis Barlow. Aesop's Fables with His Life: In English, French and Latin: Newley Translated. London, 1687. 221 p.
14. Hjalmar Frisk. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Band I: A-Ko. Heidelberg: Carl Winter. Universitätsverlag, 1960. 1154 p.
15. Jean de La Fontaine. Le Satyre et le Passant / Les Fables de la Fontaine. URL: <http://www.lesfables.fr/livre-5/le-satyre-et-le-passant> (data obrashhenija: 12.06.2022)
16. Perry B. E. Babrius and Phaedrus: newly ed. and transl. into English, together with an historical introduction and a comprehensive survey of Greek and Latin fables in the Aesopic tradition. London: W. Heinemann; Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1965. 634 p.

Поступила в редакцию 13.06.2022.

Принята к публикации 17.06.2022.

Для цитирования:

Башмакова Е. А., Никулушкин К. В. Басня Эзопа в литературно-эстетической композиции Жана де Лафонтена // Гуманитарный научный вестник. 2022. №6. С. 140-147. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/06/Bashmakova.pdf>